

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА INFORMATION WARFARE

Оригинальная статья / Original article

К вопросу о мифореальности современного немецкоязычного медиатекста

© А.Г. СЛЕСАРЕВ

Слесарев Алексей Георгиевич, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
alexej_slessarew@mail.ru. ORCID: 0009-0001-1042-5323

Рассмотрен вопрос о том, может ли медиатекст функционировать как мифотекст в современном обществе. Объектом исследования выступают немецкоязычные СМИ, в практике которых медиатекст выполняет мифические функции во многом за счет аксиоматического и неаргументированного характера трансляции собственных культурных достижений. Индивид – в том числе автор медиатекста – всегда неосознанно стремится приводить свои актуализации в соответствие с коллективными. Коллектив, принимая индивидуальное как общее в рамках когнитивной редупликации, влияет на индивида в обратном направлении, благодаря чему мировосприятие индивида и коллектива стремятся к тождеству. Подобная актуализация мифа сознания всегда воплощается в мифотексте, а в современных условиях – в медиатексте. Мифическое в немецком медиатексте обнаруживается как в его структуре, так и в особенностях медиаречи. Тем самым оно способствует преобразованию медиасистемы в мифосистему и возникновению медиамифологии объединенной Германии, которая воздействует на все сообщество в целом, способствует суггестии предустановленных парадигм, а также определяет образ существования носителей национального мифа на базе общепринятых и не требующих доказательства максим.

Ключевые слова: реальность, восприятие, сознание, миф, мифотекст, медиатекст, мифосистема

Цитирование: Слесарев А.Г. (2024) К вопросу о мифореальности современного немецкоязычного медиатекста // Общественные науки и современность. № 2. С. 104–118. DOI: 10.31857/S0869049924020085, EDN: zmmnxo

To the Issue of Mythological Reality of Modern German-language Media Text

© A. SLESAREV

Alexey G. Slesarev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), alexej_slessarev@mail.ru.
ORCID: 0009-0001-1042-5323

Abstract. The actualization of the consciousness myth is realized through a mythological text. In modern society, media text can represent mythological text. The main criterion for identifying such media text as mythological reality is the repeated uncritical and categorical canonicity of subject-object relations in a special unformalized time and space as the only true one. In the practice of German-language media this can be found in an axiomatic and unreasoned exaltation of German cultural achievements, such as gender balance in linguistic practice, the absolutism of the ideals of Western democracies, representation of the German nation as a “victim of war,” etc. The individual – as well as the author of the media text – always unconsciously strives to bring his actualizations in line with the collective ones, and the collective, in turn, accepting and updating the individual as the general (reduplication), has a reverse influence on the individual, due to which the world perception of the individual and the collective tends to identity. The mythical in the German media text is found both in its structure and in the features of media speech.

Keywords: reality, perception, consciousness, myth, mythological text, media text, mythological system

Citation: Slesarev A.G. (2024) To the Issue of Mythological Reality of Modern German-language Media Text. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 104–118. DOI: 10.31857/S0869049924020085, EDN: zmmnxo (In Russ.)

Мышление и восприятие реальности

Термин «реальность» происходит от латинян и средневековых схоластов (от лат. *realis* – действительный, т. е. существующий в действительности). В философии диалектического материализма данное понятие употребляли для обозначения объективной реальности – мира материального, явленного нам в ощущениях, научной и эмпирической практике, который противопоставлен процессам сознания, миру субъективному, т. н. реальности сознания. Таким образом, основным критерием реальности выступает научно-экспериментальная практика человечества.

Некоторые философы, однако, считали реальным весь мир и все его явления, включая идеальные продукты, ошибки и иллюзии, впрочем, тем самым только подтверждая научно-экспериментальный критериальный подход [Философский словарь... 1960–1970]. Следуя идее независимого от наблюдателя существования реального мира, можно обозначить два основных принципа взаимодействия с ним: эмпирический (посредством биологических систем восприятия и ответных реакций) и ментальный (мышление и сознательное взаимодействие). Существует соблазн приписать данные способы как доминантные у животных и людей соответственно, но такой подход в духе примитивно понимаемого учения И.П. Павлова о сигнальных системах был бы неверным. Как животным (особенно высокоразвитым млекопитающим и птицам), так и человеку присущи оба способа взаимодействия с окружающей средой. Тем не менее мыслительное взаимодействие человека с миром носит примарный характер, так как его цель – постижение действительности.

Возникает обоснованное сомнение в том, что реальность и представление о ней – это разорванные, не взаимообусловленные понятия. В своей лекции 2009 г. доктор биологических наук Т.В. Черниговская отмечает, что не существует «отдельная жизнь или, даже не жизнь, а какой-то внешний мир, и отдельно те, кто про это думает. На самом деле между этим нельзя провести границы, это одно и то же»¹. Утверждение ученого во многом опирается на философские идеи М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского о том, что мышление и бытие есть одно и то же («... жизнь моя решается, как и то, каков мир, – вместе с мыслью») [Мамардашвили, Пятигорский 1971, 2011]. Развивая эту идею, можно предположить, что восприятие реальности и сама реальность близки или по меньшей мере значительно взаимообусловлены: мир «глазами кузнечика», мир сороки, слона или человека будут существенно различаться. В человеческой среде картина мира будет точно так же не одинакова, в ее основу лягут разные мыслительные комплексы. Известный тест IQ (айкью), который выявляет уровень интеллекта, изначально был разработан для европейцев. Он неэффективен для тестирования представителей ряда архаичных племен (например, бушменов). Зачастую такие результаты называют доказательством их умственной отсталости², но на самом деле мышление представителей племен строится на иных принципах.

Соответственно, следует рассмотреть, чем характеризуется мышление и какие его типы можно обнаружить. Подобное исследование поможет объяснить особенности восприятия как в индивидуальном случае, так и при рассмотрении общесоциальных парадигм. Существуют пять основных типов мышления:

- 1) предметное (практическое);
- 2) образное (интуитивное);
- 3) кумулятивно-логическое;
- 4) формально-логическое (дискурсивное);
- 5) понятийное (абстрактно-теоретическое) [Выготский 1982; Слесарев 2009; Ясюкова 2010].

Следует сразу указать, что эти типы мышления не могут существовать в чистом виде. Скорее, нужно говорить о доминирующем типе среди прочих. Единственным исключением может быть абстрактно-теоретическое мышление, которое в общем комплексе зачастую отсутствует вообще. Данная ситуация распространяется не только на людей, но и на высших животных, которые демонстрируют способность мыслить – не только предметно, но и зачастую образно, а порой и вполне себе логично (приматы, хоботные, китообразные, врановые) [Марков 2012]. Соответственно, в данном контексте человека нельзя выделить как обладателя эксклюзивных прав на мысль. Тем не менее люди обладают особым способом существования в мыслеречевой практике – человек способен не только воспринимать действительность опосредованно, неэмпирически, но и актуализировать это восприятие в виде текста. Мифическое восприятие и миф как таковой пока не упоминались, поскольку не существует мифического мышления в виде мыслительного контура, который был присущ определенному этапу развития человечества и преодолен с течением времени. Однако существует такой тип восприятия на базе приоритетного комплекса предметного, образного, кумулятивно-логического и отчасти формально-логического мышления, который и порождает миф.

¹ Черниговская Т.В. Как мы мыслим? Пробуждение. 29.05.2015. (<http://life-up.ru/biblioteka/kak-myi-myislimgaznoyazyichie-i-kibernetika-mozga/?ysclid=llc0dd7ech237067311>).

² Дробышевский С.В. Интеллектуальные способности рас (Intellektuelle Fähigkeiten verschiedener Rassen). Лекции. Станислав Дробышевский. 04.02.2021. (<https://www.drobyshevskiy.com/>).

Мышление определяет картину мира, и для человека формируются лишь два полярных варианта мировосприятия – сугубо-научное (на базе абстрактно-теоретического мышления), а также мифическое (аккумулирует результаты предметно-образной и интуитивно-логической мыслительных практик). В действительности данные типы мышления взаимообусловлены: в человеческой деятельности они не присутствуют в чистом виде – может быть, за исключением теоретизаций высшей математики.

Возвращаясь к определению мифического мышления как синкретического комплекса, следует констатировать, что такое понимание снимает ряд вопросов к мифу и к его носителям. Такое восприятие позволяет неконфликтно рассматривать его амбивалентные свойства – от стремления к видимой абсурдизации явлений действительности до демонстрации законов логики через мифы. Речь идет о доминировании определенных типов мышления при воспроизведении реальности мифа как текста (мифотекста).

Мифотекст – всегда действие двух и более сил, двух фактов реальности, демонстрация возникающей между ними мифической связи и следствий этой связи. Другими словами, он представляет собой совокупность элементов мифического действия, необходимого для актуализации мифической реальности сознания, это явленная мифореальность. Миф сознания, в свою очередь, есть не что иное, как допущение взаимодействия предметов на основании их свойств. Актуализация мифа сознания может происходить двумя способами: как наблюдение за реальностью и подтверждение верности существующей индивидуальной мифореальности через него (индивидуальный акт); как редупликация актуализированных через наблюдение связей вещей (коллективный акт). Двойственность актуализации мифосознания имеет внешний характер: это две стороны одного процесса, влияющие друг на друга. Носитель мифа и коллектив носителей не противопоставлены друг другу и не тождественны. Несмотря на то, что своей деятельностью они пытаются создать такое тождество, подобная попытка вряд ли осуществима. Однако стремление к тождеству индивидуальной актуализации мифосознания и его коллективной актуализации существует, благодаря чему мировосприятие индивида и коллектива чрезвычайно близко. Они естественным образом не соответствуют другому мировосприятию во втором локальном коллективе, в котором коллективно-индивидуальная актуализация совершенно иная. Соответственно, мифореальности таких коллективов будут несхожи в той или иной степени [Слесарев 2002].

Мифическое в медиасистеме Германии

Существует ряд оснований для сопоставления мифа и немецкоязычного медиатекста. По ряду причин современное немецкое общество во многом утратило способность к абстрактно-теоретическому мышлению, в том числе по вине неудачных школьных реформ³ [Ясюкова 2007]. Не меньшее значение играет и нормативный контекст немецкоязычного медиапространства, который неизбежно отражается на способах общественной коммуникации и, разумеется, в медийных текстах. Может ли медиатекст функционировать как мифический текст?

С точки зрения теории миф и мифический текст как доступный исследованию объект обладают рядом особенностей бытования в общественном сознании и выполняют обязательные функции (демонстративно-декларирующая, объяснительная, этикетная, социализирующая и др.). Даже если миф не объясняет, как устроен мир (что ему вполне

³ Konrad Adam Die Reform frisst ihre Kinder. Junge Freiheit. 16.03.2014. (<https://jungefreiheit.de/kultur/gesellschaft/2014/die-reform-frisst-ihre-kinder>).

свойственно), он непременно описывает, как в этом мире жить. Миф демонстрирует «реальность» вещей и людей, определяет норму и отклонение от нее, а главное – санкционирует образ мыслей и действий. Мифотекст выступает медиатором между отдельным индивидом и коллективом, воздействуя на все сообщество в целом, внушая предустановленные парадигмы, определяя образ существования носителей мифа на базе общепринятых и не требующих доказательства максим. Можно утверждать, что суггестивная и санкционирующая функция мифа – наиважнейшие его роли. Парадоксально, но они совпадают с функцией современного медиатекста, который больше не имеет цели информировать. Взамен он должен воздействовать на публику, чтобы внушать ей мысли и идеи, соответствующие целям и задачам общества⁴. Так, еще в 1957 г. немецкий писатель Х.М. Энциенсбергер в своей рецензии эстетических принципов журнала *Der Spiegel* отмечал, что «...читателю [журнала] внушается убеждение, которого у него на самом деле нет. Все, что ему предлагают – это позиция соглядаемая у замочной скважины»⁵.

Воздействие на реципиента, суггестия определенных правил, принципов и общественных координат объединяет мифотекст и медиатекст. Особенную роль при суггестии играет нормативный контекст. Он формируется на протяжении многих десятилетий и охватывает большое количество потенциальных реципиентов воздействия [*Слесарев 2021*]. «Инфоповод», который соответствует общественным представлениям о нормах, может быть даже «фейковым»: эмпатию реципиента (и последующую положительную ментализацию инфоповода) предопределяет причастность общему пространству норм. В условиях дефектной национальной идентичности, маргинализации понятия исторического ландшафта, унифицированности культуры потребления, при нарочитом господстве субъективизма и апологетики личного пространства суггестивно-информационное воздействие в немецких СМИ происходит на базовых и отчасти биологических принципах, которые вновь роднят медийный текст с мифотекстом. Среди них:

- временное блокирование/прерывание мыслительного процесса (в т. ч. использование сексуальных образов);
- «рефренность образов», кумулятивный логический принцип;
- нарочитая субъектность, автороцентричность контента;
- эмпатическое воздействие (в первую очередь визуальное);
- активизация базовых биологических реакций (альтруизм/ксенофобия).

Так, например, известный западногерманский журналист Э. Споо в обзоре немецкой прессы 2010–2015 гг., посвященном «греческому кризису» в Евросоюзе, отмечает несправедливый и необъективный принцип освещения проблемы, который он характеризует как «нацистский»⁶. Изучая публикации *Bild* и других источников, он подчеркивает нарочитое противопоставление трудолюбивых немцев подлым, ленивым и хитрым грекам – «малозначимой нации», которая якобы преследует свои корыстные антиевропейские интересы. Опираясь в своих суггестиях на чисто биологические врожденные реакции публики, немецкие СМИ (в данном случае – издание *Bild*) не только выражают интересы аффили-

⁴ Жизневский И.Б. Механизмы влияния средств массовой информации: приемы информационных воздействий. Вестник Московского университета. № 1. 2008. (<https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizmy-vliyaniya-sredstv-massovoy-informatsii-priemy-informatsionnyh-vozdeystviy/viewer>).

⁵ Dieses Schmierblatt wird leider Gottes gelesen. DER SPIEGEL. 07.01.2007. (<https://www.spiegel.de/politik/dieses-schmierblatt-wird-leider-gottes-gelesen-a-83b47d63-0002-0001-0000-000050109994?context=issue>).

⁶ Spoos Presseschau: Deutsche Medien in Springerstiefeln. YouTube. 17.06.2015. (<https://www.youtube.com/watch?v=cnpGoYGW2rA>).

рованных с медиаконцернами политических и экономических групп, но и действуют как медиаторы современной немецкой мифореальности.

Данные действия вписываются в комплекс задач немецких СМИ, которые часто называют себя «pflichtbewusste Medien», т. е. «осознающие свои обязанности СМИ», и вполне осознанно направлены воздействуют на публику. Подобное влияние СМИ на реципиента (а в случае необходимости и продуцирование протестной реакции) неизбежно сопряжено с функцией социализации и дальнейшим укреплением особенностей коллективной мифореальности в целом.

Как прежде миф легко принимал в себя неактуализированные мифемы (демифологизированные элементы), так и в современной мифологии отсутствуют опасения в отношении научных данных, их встраивают в ее систему. Можно сделать вывод, что общим свойством мифа выступает умение адаптировать все, что увеличивает достоверность его реальности. Следует отметить, что включение научных данных не означает, что научное мышление выступает доминантой, потому что все факты употребляют аксиоматически, как данность. Знание о шарообразной земле не отменяет мифического представления о ней, поскольку люди интерпретируют факты как аксиомы, чувственные образы (картинки из атласа, фильма и пр.) [Андерсен 2016], а не как итог личного абстрактно-теоретического мыслительного процесса. Данный процесс объясняет, например, сосуществование представлений о плоской и шаровидной земле в одном и том же социуме. В медиамифе, как и в классическом мифе, данные объективной реальности фигурируют наравне с их ненаучной интерпретацией, а научные интерпретации соседствуют с мифическими выводами. В качестве примера можно рассмотреть очень важную для немецкой медийной мифореальности «психотерапевтическую концепцию» жертв войны.

С объединения Германии в общественном контексте возникает идея национального возрождения, которую многие немецкие политические и культурные деятели рассматривали как реваншизм, опасаясь воскрешения нацистской идеологии. Особенно сильны были такие опасения в левом политическом лагере. Однако уже в 1994 г. берлинский писатель Б. Моорсхойзер писал: «В первые десятилетия после войны молодые немцы должны были как-то управиться с прежними нацистами, и у них это получилось. Спустя поколение нам теперь надо одолеть постаревшую послевоенную молодежь, с ее заикленностью на третьем рейхе. Когда-то Германия была полна инвалидов. Сейчас в Германии полно послевоенных инвалидов»⁷.

Таким образом, тема послевоенной и военной инвалидности (т.е. недееспособности) определена как существенная помеха в развитии и грядущем процветании страны. Политика перевоспитания, которую англо-американские кураторы проводили в Западной Германии, дала свои плоды. Национальное в немецкой картине мира виделось как патологическое, однако в новых условиях такое восприятие не увязывалось с реальными вызовами, да и внутри нации подспудно крепло стремление оздоровить нездоровое национальное чувство.

Жителям восточной части страны, идентичность которых сформировалась в рамках советского проекта, было в этом отношении проще, поскольку они относили себя к антифашистской части народа, которая помещала всех фашистских недобитков на Запад, за «антифашистский защитный вал». Западные немцы, обвиненные в Холокосте, не могли просто вновь воспринять себя как немецкую, а не только европейскую и демократическую нацию. На данном противоречии возникла новая национальная концепция, согласно кото-

⁷ Von Jürgen Leinemann. DER HUNGER NACH SINN. DER SPIEGEL. 05.06.1994. (<https://www.spiegel.de/politik/der-hunger-nach-sinn-a-91b4b49e-0002-0001-0000-000013685414>).

рой преступники одновременно являются и жертвами. «Сограждане были ошеломлены, когда после исследования немецких и швейцарских терапевтов выяснилось, что их соотечественники, которых всегда считали принадлежавшими к нации преступников, одновременно являются и жертвами», – пишет Der Spiegel в статье 1999 г.⁸. Дальнейшая работа над данной темой одновременно демонстрирует и запрос общества, и стремление элит нормализовать новую немецкую реальность. Именно здесь оказывается весьма кстати публицистические работы С. Боде.

Сабина Боде пришла на должность редактора в Kölner Stadt-Anzeiger в 1978 г. Она до сих пор работает журналистом-фрилансером, а также пишет книги. Последнее ее произведение, роман «Девушка в потоке» («Das Mädchen im Strom»), вышел в 2017 г. Журналистка – частый гость ведущих немецких СМИ, ее выступления в основном транслируют радиостанции WDR и NDR.

Боде наиболее известна своими книгами о военных и послевоенных детях. В своей трилогии «Забытое поколение – дети войны прерывают молчание», «Внуки войны. Наследники забытого поколения» и «Послевоенные дети. Поколение 50-х и их отцы-солдаты»⁹ автор пытается обосновать вымышленную концепцию общенациональной военной травмы, объявляет войну (во всех ее проявлениях) причиной немецких бед и позволяет себе «научно-психологические» интерпретации ранее запретных тем. Тем самым Боде поддерживает пропагандистские мифы, одновременно не покушаясь на базовые константы европейского сообщества – идеи демократии, либерализма и открытого рынка. Автор считает, что детская военная травма часто остается бессознательной и нераскрытой в течение десятилетий, выходя наружу только в старости с ее дополнительным бременем. Кроме того, травмы детей войны часто имеют межпоколенческий эффект. По мнению автора, в результате возникает своеобразное «эхо войны», и современные немцы – не просто потомки военных преступников (отрицать это, признавая Холокост, проблематично), но в первую очередь невинные жертвы войны, так как они не несут непосредственной вины за ее преступления.

Автор критикует теорию З. Фрейда, поясняя, что она не описывает происходящее в душе ее современников, ибо Америка «не знала нацизма, миллионов смертей, войны, а значит, не должна была психологически преодолевать чувство вины и переосмысливать коллективную катастрофу»¹⁰. С. Боде объясняет войной все проблемы немецкого общества – насилие над детьми, сексуальное насилие над женщинами, алкоголизм, конфликт отцов и детей – «всему этому война широко распахнула двери». Сам Холокост в ее толковании становится причиной ложного чувства вины, ибо современные немцы – это дети жертв войны (или их внуки и правнуки). В первую очередь они сами жертвы, а комплекс вины и фиксация на нем есть ошибка и чрезвычайно ограничивает возможности личностного роста¹¹.

Подобная мифология (а данная концепция есть несомненная мифосистема) представлена как достоверная картина событий, которую автор репрезентует внутри своего монолога. Декларируемая благая цель – помочь людям преодолеть посттравматический

⁸ Susanne Fischer, Romain Leick, Jürgen Leinemann, Hartmut Palmer, Gerhard Spörl, Klaus Wiegrefe. Planetarische Visionen. DER SPIEGEL. 07.11.1999. (<https://www.spiegel.de/politik/planetarische-visionen-a-e7622196-0002-0001-0000-000015045510>).

⁹ Die vergessene Generation – Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen; Kriegsenkel. Die Erben der vergessenen Generation; Nachkriegskinder. Die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter.

¹⁰ Bode S. Die vergessene Generation – Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen. Stuttgart. 2017.

¹¹ Bode S. Nachkriegskinder. Die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter. Stuttgart. 2011.

синдром – поверхностно мотивирована и лишь санкционирует общую методологию концепции Боде, в которой сильно личное авторское начало. Именно этот авторский квази-шаманский авторитет, а не историческая и научная фактология, определяет общую достоверность медиатекста. Ни малая выборка документального и свидетельского материала, ни абсурдность авторских тезисов (например, наследование из поколения в поколение «чувств и эмоций») не могут повредить «монументальной» правде, которую излагает автор. Подменяя в своих рассуждениях причину и следствие, по поводу и без повода ссылаясь на практический опыт психотерапевтов, С. Боде помещает в центр читательского внимания невинное дитя-жесту.

Такой подход объясняется тем, что само рассуждение и структура текста мифичны: повествование подчеркнуто субъектно, эмоционально-экспрессивно, формально-логический принцип нарушен движением от частного к общему. В то же время наблюдается катарсический драматизм в подаче событий, а также мифемная структура субъектно-объектных связей, где индивид-коллективы взаимодействуют с мифическими фактами, а время и пространство обратимы и нелинейны, произвольно подчиняются воле рассказчика. Научные данные воспроизводятся некритично, исключительно для придания повествованию большей достоверности. Работы С. Боде можно назвать современной медиамифологией, которая тяготеет к образованию мифологического цикла (трилогия). Однако возникает она не сама по себе в отрыве от общественной мифореальности в целом – эта мифология порождена ею, она поддерживает и легитимизирует ее в тех реальных условиях, которые объективно складывались с конца 1990-х гг. в объединенной Германии. Как выразился министр иностранных дел тех лет Й. Фишер, данные условия государство «не может игнорировать... независимо от того, хочет оно того политически или нет»¹².

Мифическое в структуре немецкого медиатекста

Разумеется, медиатекст можно и нужно соотносить с мифотекстом не только на основании сходства задач и функций в системном (медиасистема и мифосистема) формате, но и в структурном плане.

В качестве типологически близких текстов явно мифического плана можно привести быличку из собрания немецких саг братьев Гримм [*Grimm* 1981] и современную статью из качественной немецкой прессы¹³. Перед нами информационные сообщения разных времен и с разной фактологией, представляющие фрагмент цельной мифологической системы, оформленные как мифотексты, т. е. содержащие мифемы. Однако, несмотря на различия в сюжете и объеме указанных текстов, разный затекст и аксиоматическую фактологию, данные мифотексты фундаментально схожи по ряду параметров. В саге, зафиксированной братьями Гримм в XIX в., повествуется о жутком обрядовом действе, совершенном над ребенком представителями некоего религиозного культа. Собиратели описывают обрядовые манипуляции с телом, цель которых до конца не ясна. Однако прояснять такие детали для современников не было необходимости, так как социум тех времен был глубоко убежден в преступности и злонамеренности культа и его апологетов.

¹² Susanne Fischer, Romain Leick, Jürgen Leinemann, Hartmut Palmer, Gerhard Spörl, Klaus Wiegrefe. Planetarische Visionen. DER SPIEGEL. 07.11.1999. (<https://www.spiegel.de/politik/planetarische-visionen-a-e7622196-0002-0001-0000-000015045510>).

¹³ Thadeusz. In 40 Tagen zur fruchtbaren Humuserde. Nachhaltiges Sterben. DER SPIEGEL. 09.12.2022. (<https://www.spiegel.de/wissenschaft/leichen-kompostieren-expertenstreit-um-oeko-bestattung-a-10d9ff37-3439-463c-ba3f-d49b473ab41d>).

Текст содержит еще несколько важных для данной исторической мифосистемы аспектов, которые санкционируют и объясняют ее и мироздание в целом: христианская религиозная мораль (отрицание приоритета обогащения любой ценой, культ святых мест и святых мощей) и родовая связь матери и дитя (восходит от эмпирического, инстинктивного мироощущения и может быть обнаружена в современных медиамифах).

В свою очередь статья повествует о новом методе «утилизации» человеческих тел через преобразование их в плодородную почву, который разработала некая компания. Неназванные эксперты в тексте называют этот метод более экологичным, по сравнению с традиционными захоронениями. По информационному содержанию современный материал из уважаемого журнала вряд ли можно соотнести с мифотекстом XIX в. Однако, рассматривая тексты внутри той мифореальности, к которой они принадлежат, можно обнаружить, что они значительно близки.

Безусловно, христианская составляющая не принадлежит к информационным основам современного немецкого сообщества, в котором всецело доминирует «зеленая повестка». Будучи фрагментом современной мифосистемы, статья оставляет за скобками весь известный реципиенту «экологический затекст», при этом обращаясь к характерным для мифа средствам эмоционально-экспрессивного воздействия. Имплицитно в тексте можно узреть также и прежние «христианские» мотивы – например, кощунство (над телом человека). Если сопоставить оба текста и определить их соответствие принципам и логике мифа, можно получить следующую картину (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная мифология текста

Table 1

Comparative mythology of the text

Мифические аспекты	Сага	Статья
Мифемы «чужак», «малефиций»	Жертвоприношение, обрядовые манипуляции	Экологичное захоронение, обрядовые манипуляции
«Магические» приемы	Расчленение, обескровливание, подвешивание	Технология «Reerdigung», превращение тела в гумус
Субъект	Пассивен, юная жертва	Пассивен, умерший
Мифический факт	Евреи, индивид-коллектив	Компания, индивид-коллектив
Неформальная логика	Абсурд, немотивированное убийство, кровь с небес, «злое» дерево	Абсурд, кощунственные манипуляции с телом (имплицитно), превращение тела в почву за 40 дней, волшебный саркофаг – «аэробный, гетеротрофный высокоскоростной компостер»
Время и пространство	Мифическое, одноактное обобщенное времяпространство ¹⁴ , установка на достоверность, упоминается г. Ринн в Австрии	Мифическое, манипулируемое (скорость разложения), установка на достоверность – локализация технологии в г. Берлин, ФРГ
Катарсис	Церковное прославление	Экологическое равновесие, прекрасные цветы лаванды как символ

¹⁴ Термин введен автором в научный оборот в 2003 г., см.: Слесарев Алексей Георгиевич. Мифическое начало жанра баллады : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 : Москва, 2003 205 с. РГБ ОД, 61:04-10/341-7

Очевидно, что оба текста выполняют примерно одну и ту же функцию. Будучи элементами мифосистемы, они влияют на реципиента, актуализируют миф сознания, санкционируют и сохраняют существующую картину мира во времени и пространстве, используя все имеющиеся в арсенале средства достоверности, специфические для своей эпохи (религиозные и культовые догматы, научные концепции), оперируя ими в пределах предметно-образного мышления.

Говоря о структуре мифического медиатекста, следует указать на то, что, как и в случае классического мифотекста, базовой единицей медиамифа выступает мифема во всех ее эволюционных ипостасях: автохтонная, модифицированная (через социализацию и лиризацию) и даже свернутая (деструктурированная) [Слесарев 2009]. Благодаря этому в одной медиасистеме могут присутствовать как сугубо мифические тексты с мифемной структурой, которых становится ощутимо больше, так и не буквально мифические, в которых обнаруживаются лишь свернутые мифемы. Последние, что особенно важно, в рамках общей медиасистемы играют роль раздражителей, которые как бы «запускают» кумулятивные логические процедуры в сознании реципиента, что впоследствии может проявиться в полноценном мифотексте – или же просто поможет удерживать в равновесии всю мифореальность в целом. Существуют мифотексты, которые на первый взгляд не содержат в себе ничего мифического, однако само их присутствие предопределяет наличие в мифосистеме (например, в мифологическом цикле) других текстов, мифемная структура которых позволяет демонстрировать те или иные эксклюзивные элементы мифореальности («Ворон и лосось, миф народности ияк») [Мифы, сказки и легенды... 1997].

Не вполне ясно, насколько возможно отождествить мифему и фрейм. Под фреймированием в журналистике понимают способ медиавоздействия в рамках определенной темы, когда на стороне получателя информации существуют лишь отдельные фреймы (т.е. системные элементы, фрагменты). Возможно, что как раз фрейм и мифему можно соотносить, чтобы продемонстрировать мифореальность медиасистемы в рамках актуальной информационной повестки [Scheufele, Dietram 1999].

Мифическое в немецкой медиаречи («мифическая грамматика»)

Следует отметить, что современная немецкая медиасистема санкционирует в публичных изданиях определенные языковые критерии, единые и обязательные для всех органов СМИ – например, единые принципы «справедливого гендерного обращения» (gendergerechte Lexik). Они меняют сами основания немецкого языка ради новой мифореальности (использование специальных терминов социальной и профессиональной вовлеченности, применяемые для обоих полов сразу – Student*innen, Lehrer*innen). Также среди таких критериев – грамматические способы цитирования, которые немецкоязычный медиатекст активно использует в своем арсенале. Такие специфические грамматические формы позволяют приводить слова других лиц в общем контексте так, что реципиент непременно идентифицирует цитаты как чужие слова и другое мнение. Таким способом автор текста получает возможность оставаться в стороне, не смешивая свою позицию и позицию цитируемого лица. Здесь следует оговориться, что в языке существуют и другие способы введения в общий контекст иных мнений и высказываний, которые роднят немецкий язык с другими европейскими (и неевропейскими) языками: прямая речь, косвенная речь (дополнительная придаточная конструкция) и несобственно-прямая речь.

Особенный интерес вызывают именно сугубо грамматические формы включения цитат в текст, которые восходят к индоевропейскому «желательно-магическому» залогу – оптативу: эформы сослагательного наклонения первого типа (Konjunktiv I) и субъектив-

ной модальности (Subjektive Modalität). Оптатив в современном немецком языке отсутствует, но многие его функции (в частности, ритуальные формулировки как средство воздействия на объекты и субъекты в магических целях) выполняют как раз модальные глаголы. Их использование затрудняет точную интерпретацию, поскольку модальные глаголы лишены однозначности оптатива. В такой ситуации важную роль играет контекст, а также многое зависит от субъективной интерпретации.

Данные особенности помогают суггестии и последующему санкционированию определенных смыслов, что заметно на примере конструкций с модальными глаголами *sollen* и *wollen*, которые позволяют приводить цитаты и различную информацию как не совсем достоверную. Здесь можно увидеть следы индоевропейского оптатива, когда стремление сделать желаемое действительным, утвердить недоказанное благодаря субъективному характеру модальности. Сомнительное, в свою очередь, представляется как общеизвестное и достоверное.

Наглядным примером подобного подхода выступает цикл статей и сообщений об отравлении А. Навального¹⁵ в немецкой качественной прессе. Так, первый канал немецкого телевидения (ARD) в сообщении ежедневного новостного обзора («Tagesschau» von 20.10.2021) о присуждении Навальному премии имени Сахарова заявляет следующее: «Die höchste Menschenrechtsauszeichnung der EU, der Sacharow-Preis, geht in diesem Jahr an den Kreml-Kritiker Alexej Nawalny. Nawalny werde für seine immense Tapferkeit ausgezeichnet, hieß es, er habe konsequent gegen die Korruption des Putin Regime gekämpft. Nawalny sitzt derzeit in russischer Haft, weil er Meldeauflagen nicht eingehalten haben soll» («Высшая награда ЕС в области прав человека, премия Сахарова, в этом году присуждается критику Кремля Алексею Навальному. Было отмечено, что Навальный награждается за его невероятную храбрость, он последовательно боролся с коррупцией путинского режима. Навальный в настоящее время находится под стражей в России, поскольку он якобы не выполнил ряд обязательных процессуальных требований»)¹⁶.

В данной цитате сослагательное наклонение использовано для однозначной и нейтральной отсылки на мнение комитета премии. Форма субъективной модальности с глаголом «sollen», приписывает публично озвученной причине задержания А. Навального недостоверный характер. В общей парадигме немецкоязычного медиамифа, в которой существует своего рода «мир злых русских» за пределами мира людей, подобная формулировка абсолютно уместна. Грамматическая форма позволяет при цитировании заявлений российской правовой системы стигматизировать их как недостоверные.

Другой пример произвольной интерпретации модальности можно найти в статье «Alexej Nawalny: Leugnen, verwirren, täuschen» (Алексей Навальный: отрицать, запутывать, обманывать) издания Zeit Online: «Es soll also wirklich Gift gewesen sein. Darauf weisen die “klinischen Befunde” bei Alexej Nawalny hin, gab die Berliner Charité am Montag bekannt» («Итак, очевидно, это действительно был яд. Об этом свидетельствуют “клинические исследования” Алексея Навального, сообщила в понедельник Берлинская клиника Шарите»). Автор прямо говорит о том, что имярек, несомненно, был отравлен пресловутым «Новичком». Форма субъективной модальности позволяет уверенно констатировать данный факт, апеллируя к авторитету источника¹⁷. В этой же статье автор утверждает:

¹⁵ А. Навальный включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга. Скончался в феврале 2024 г.

¹⁶ tagesschau 20:00 Uhr, 20.10.2021. YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=PzAc6gr5-SE>).

¹⁷ Alexej Nawalny: Leugnen, verwirren, täuschen. ZEIT ONLINE. 25.08.2020. (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2020-08/alexej-nawalny-vergiftung-charite-russische-medien-propaganda>).

«Immerhin habe man aus sicheren Quellen erfahren, dass Nawalny bei der Einlieferung in das Spital 0,2 Promille Alkohol im Blut hatte» («Тем временем из достоверных источников стало известно, что у Навального в крови на момент госпитализации было 0,2 промилле алкоголя»). Он лишает нейтральную форму конъюктива ее нейтральности и приписывает ей абсолютную достоверность, при этом нарушая правила использования, т. к. источник цитаты прямо не указан. То же издание сообщает в материале «Vergiftet» («Отравлен»), что Навальный «был отравлен новым вариантом химического оружия типа “Новичок”, но, по общему мнению (как сообщают), много более агрессивным и смертельным, чем все известные ранее варианты серии “Новичок”» («wurde mit einer neuartigen Weiterentwicklung der Chemiewaffe Nowitschok vergiftet – einer Variante, die die Welt bis zu diesem Anschlag nicht kannte, die aber bösartiger und tödlicher sein soll als alle bekannten Ableger der Nowitschok-Familie»)¹⁸. Сомнительное утверждение вновь получает субъективную интерпретацию, слова журналиста делают их достоверным фактом.

В итоге можно констатировать, что в самом языке немецких СМИ формируются возможности проводить манипуляции и влиять на публику. Некоторые из них появились относительно недавно – например, формы субъективной модальности в целях достоверного цитирования. Данный факт позволяет, с одной стороны, характеризовать их как «магическую журналистику» [Соколова 2018], а с другой – увидеть их схожесть с мифотекстом, в задачи которого входят функции медиатора социальной системы и средства упорядочивания индивидуально-коллективной мифореальности.

Заключение

Очевидно, что в различных человеческих средах восприятие реальности будет не одинаковым, так как оно обеспечивается разными мыслительными комплексами – в том числе и такими, которые обуславливают т. н. «мифическое мышление». Парадоксальным образом суггестивная и санкционирующая функции мифа совпадают с ролью современного медиатекста, приоритетной задачей представления которого более не выступает информирование. Наоборот, его использование позволяет воздействовать на публику и внушать ей предустановленные идеи.

Современные «либерально-экономические или социально-ответственные медиасистемы плюралистических демократий» ставят цель распространять и поддерживать некие аксиоматические ценности, которые они сами и общество в целом считают верными и даже непререкаемыми [Meier 2013]. Среди них – идеи личной свободы, толерантности и прав человека, примат демократических институтов и прочие на первый взгляд не мифические понятия. Однако их некритическое восприятие и навязывание в качестве абсолютных мифологем раскрывает мифическую картину мира современного рядового жителя Германии, а его медиасистему во многом можно соотнести с мифосистемой. Будучи лишь фрагментом подобной мифосистемы, каждый отдельный медиатекст многое оставляет «за скобками», при этом обращаясь к характерным для мифа средствам эмоционально-экспрессивного воздействия. Все они выполняют примерно ту же функцию: сохраняют наличную систему ценностей во времени и пространстве, включая все имеющиеся в арсенале средства достоверности. Ситуация усугублена тем, что разница между текстами т. н. качественной и бульварной прессы в настоящий момент существенно размывается.

¹⁸ Deutsch-russische Beziehung: Vergiftet. ZEIT ONLINE. 09.2020. (<https://www.zeit.de/2020/38/deutsch-russische-beziehung-alexey-nawalny-nord-stream-2>).

Правильно ли считать, что мифизация немецкоязычного медиатекста стала безусловным правилом любой медиасистемы или же это некоторое исключение, технический сбой? Есть все основания полагать, что данный процесс по крайней мере частично закономерен. Он продиктован исключительными особенностями немецкой ментальности и языка: деформированная войной и политикой перевоспитания национальная идентичность; восходящие к индоевропейскому оптативу грамматические формы воздействия; доминирование «клипового» (т.е. предметно-образного по сути) мышления; современная ситуация экзистенциального противостояния Западного и не-Западного мира, в которое оказались втянуты в том числе и немцы. Перечисленные факторы в совокупности определяют характер медиасистемы и медиатекста, которые ставят во главу угла принцип воздействия на реципиента и санкционирования существующей единственно правильной картины мира. Таким образом, именно эта особенность характеризует современную медиасферу Германии как живую мифореальность – системную, актуальную, общедоступную, фрагментированную (фреймированную), интуитивно-образную, кумулятивно-логическую, встроенную в парадигму противостояния как великая европейская ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андерсон Б. (2016) Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле. 416 с.
- Anderson B. (2016) *Voobrazhayemyye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo Pole. 416 p. (In Russ.)
- Выготский Л.С. (1982) Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика. 504 с.
- Vygotskiy L.S. (1982) *Sobraniye sochineniy v 6 t.* [Collected Works in 6 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika. 504 p. (In Russ.)
- Мамардашвили М.К. (2011) Если осмелиться быть... // В: Сознание и цивилизация. СПб: Азбука-Аттикус. 288 с.
- Mamardashvili M.K. (2011) *Yesli osmelit'sya byt'...* [If you Dare to Be...]. In: *Soznaniye i tsivilizatsiya*. Saint-Petersburg: Azbuka-Atticus. 288 p. (In Russ.)
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. (1971) Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады. Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту.
- Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. (1971) *Tri besedy o metateorii soznaniya. Kratkoye vvedeniye v ucheniye vidzhnyanavady. Trudy po znakovym sistemam* [Three Conversations about the Metatheory of Consciousness. A Brief Introduction to the Teachings of Vijnanavada. Works on Sign Systems]. Vol. 5. Tartu. (In Russ.)
- Марков А. (2012) Эволюция человека. Книга вторая. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель. 512 с.
- Markov A. (2012) *Evolutsiya cheloveka. Kniga vtoraya. Obez'yany, neyrony i dusha* [Human Evolution. Book Two. Monkeys, Neurons and the Soul]. Moscow: Astrel. 512 p. (In Russ.)
- Мифы, сказки и легенды индейцев: северо-западное побережье Северной Америки (1997) М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 519 с.
- Mify, skazki i legendy indeytsev: severo-zapadnoye poberezh'ye Severnoy Ameriki* [Myths, Tales and Legends of the Indians: The Northwest Coast of North America] (1997) Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 519 p. (In Russ.)
- Слесарев А.Г. (2002) Анализ мифических текстов // В: Проблемы истории литературы. Москва – Новополец. Т. 15. 240 с.

Slesarev A.G. Analiz mificheskikh tekstov [Analysis of Mythical Texts]. In: *Problemy istorii literatury*. Vol. 15. Moscow – Novopolotsk. 240 p. (In Russ.)

Слесарев А.Г. (2010) Мифология текста: сказки для детей и взрослых (Т. Теллеген, С. Козлов) // В: Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей XIII международной конференции, 26–28 ноября 2009 года. Ч. 2. Вып. 15. М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯ МГУ им. М.В. Ломоносова.

Slesarev A.G. (2010) Mifologika teksta: skazki dlya detey i vzroslykh (T. Tellegen, S. Kozlov) [Mythological Text: Fairy Tales for Children and Adults (T. Tellegen, S. Kozlov)]. In: *Rossiia i Zapad: dialog kul'tur. Sbornik statey XIII mezhdunarodnoy konferentsii, 26–28 noyabrya 2009 goda*. Part 2. Issue 15. (In Russ.)

Слесарев А.Г. (2009) Баллада и миф. Минск: Литературный свет. 199 с.

Slesarev A.G. (2009) *Ballada i mif* [Ballad and Myth]. Minsk: Literaturnyy svet. 199 p. (In Russ.)

Слесарев А.Г. (2021) Нормативный контекст в современной немецкой медиасреде // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. С. 49–56.

Slesarev A.G. (2021) Normativnyy kontekst v sovremennoy nemetskoj mediasrede [Regulatory Context in the Modern German Media Environment]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. no. 4, pp. 49–56. (In Russ.)

Соколова В.М. (2018) Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1.

Sokolova V.M. (2018) Magiya povestvovatel'noy zhurnalistiki Gabrielya Garsiya Markesa [The Magic of Narrative Journalism by Gabriel García Márquez]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. no. 1. (In Russ.)

Философская Энциклопедия. В 5-и т. (1960–1970) Ред.: Константинов Ф.В. М.: Советская энциклопедия.

Filosofskaya Entsiklopediya. V 5-i t [Philosophical Encyclopedia. In 5 Volumes] (1960–1970) Ed(s): Konstantinov F.V. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)

Ясюкова Л.А. (2010) Проблемы психологии понятийного мышления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. № 3.

Yasyukova L.A. (2010) Problemy psikhologii ponyatiynogo myshleniya [Problems of the Psychology of Conceptual Thinking]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. no. 3. (In Russ.)

Ясюкова Л.А. (2007) Психолого-педагогические причины неграмотности современных школьников // Национальный психологический журнал. № 1.

Yasyukova L.A. (2007) Psikhologo-pedagogicheskiye prichiny negramotnosti sovremennykh shkol'nikov [Psychological and Pedagogical Reasons for Illiteracy of Modern Schoolchildren]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. no. 1. (In Russ.)

Deutsche Sagen / hrsg. von den Br. Grimm (1981) Bd. 2., Frankfurt/Main.

Helbig G., Buscha J. (1996) Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 17. Auflage. Leipzig: Langenscheidt.

Meyer K. (2013) Journalistik. Konstanz und München.

Scheufele D.A. (1999) Framing as a Theory of Media Effects // *Journal of Communication*. Vol. 49. No. 1. Pp. 103–122.

Информация об авторе

Слесарев Алексей Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики, факультет журналистики, МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9–11. E-mail: alexej_slessarew@mail.ru

About the author

Alexey G. Slesarev, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Medialinguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 125009, 9–11, Mokhovaya st., Moscow, Russia. E-mail: alexej_slessarew@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.01.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024